

**Кумуляция календарей
как фрагмент современной картины мира якутов
(на примере романа «Ийэм кэпсиир»
(«По рассказам матери») С. С. Маисова)**

Т. Н. Николаева

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Аннотация

Рассматривается исчисление времени художественного повествования в тексте романа якутского писателя С. С. Маисова, написанного на якутском языке, посредством русского православного календаря, приобретающего функцию регулятора годового цикла жизнедеятельности местных жителей. Представления якутов о времени соотносятся также с традиционным народным якутским календарем и составляют в данном романе единое культурное целое с православным. Функция обоих сводится к регламентированию хода жизни в основном сообразно природному круговороту и прямо зависящему от него хозяйственному. Таким образом, можно сделать вывод, что распространившийся в первой половине XIX в. русский православный календарь органично вписался в традиционный календарь якутов, с которым сверялся весь хозяйственный годовой цикл.

Впервые предпринимается попытка интерпретировать представление времени у якутов, обозначенного датами святых (*тангаралар*) православного календаря, совпадающими не только с сезонными изменениями природы и, соответственно, с сельскохозяйственными работами, но и с событиями, отмеченными как концептуально важные в воспоминаниях матери, на которых выстраивается основная сюжетная линия романа. Показывается, что календарные ориентиры и координаты романа представляют собой основной стержень, диктующий собственно авторский хронотоп. Временная соотнесенность жизненных ситуаций героев с внешней средой выдерживается либо в рамках традиционного якутского календаря, либо в соответствии с христианским календарем или по линии одновременности того и другого фиксатора времяисчисления. Таким образом, архитектура данного произведения образуется посредством кумуляции двух календарных традиций.

В романе упоминаются почти все дни святых христианского календаря; автор обозначает их как *тангаралар* (святые) и распределяет весь годовой православный календарь по ходу природного цикла и традиционной хозяйственной деятельности якутов. Вместе с тем в художественном повествовании обозначение дней святых (*тангаралар*) не всегда равно одному конкретному дню. Иногда описываемые события выходят за рамки одного дня, охватывая по времени небольшой промежуток до или после наступления упоминаемой автором даты православного церковного календаря.

Иллюстративные примеры были выписаны методом сплошной выборки из трех частей романа объемом более 1000 страниц. Перевод с якутского языка на русский был осуществлен автором данной статьи.

Ключевые слова

русский православный календарь, якутский традиционный календарь, временная перспектива, народный календарь, природное время

Для цитирования

Николаева Т. Н. Кумуляция календарей как фрагмент современной картины мира якутов (на примере романа «Ийэм кэпсиир» («По рассказам матери») С. С. Маисова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-30-39

Cumulation of Calendars as a Component of Yakut Worldview (Based on the Novel “Iyeem Kepsiiir” (“My Mother’s Telling”) by S. S. Maisov)

Tatiana N. Nikolaeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The article considers the calculation of the narration time using the Russian Orthodox calendar as a regulator of the characters’ life cycle. The ideas of the Yakut people about time correlate with the traditional folk calendar and constitute a holistic cultural unit, which is reduced to regulating the course of life, mainly in accordance with the natural and economic cycle.

Taking root in the first half of the twentieth century, the Russian Orthodox calendar naturally fit into the traditional Yakut calendar, according to which the entire economic annual cycle was measured.

This article makes a unique attempt to interpret the representation of time as understood by the Yakut people, indicated by the dates of the saints (or *tanaralar*) in the Orthodox calendar, coinciding not only with seasonal changes in the nature and agricultural work, but also with the events marked as conceptually important in the memories of the mother, on which the main storyline of the novel is built.

It was shown that the calendar’s landmarks and the novel’s main reference points make an organizing axis calling for the author’s own chronotope.

The temporal correlation with the depicted life situation of the characters is maintained within the framework of the traditional Yakut calendar, in accordance with the Christian calendar, or along the lines of the concurrency of both time locks. Thus, calendar traditions form an architectonic structure of this work.

The novel mentions almost all the days of the saints of the Christian calendar. The author designates them as *tanaralar* (saints) and arranges the entire calendar following the natural cycle and the traditional economic activities of the Yakut people. However, the designation of the saints’ days (*tanaralar*) does not always mean one particular day, in other words, events may not be described within one specified day, but during a time cycle or a period before or after the onset of the holy day.

Relevant examples were selected with the help of a continuous sampling method from three parts of the novel with a total volume of more than 1000 pages. From Yakut into Russian the examples were translated by the author of this article.

Keywords

Russian Orthodox calendar, Yakut traditional calendar, time perspective, folk calendar, natural time

For citation

Nikolaeva, Tatiana N. Cumulation of Calendars as a Component of Yakut Worldview (Based on the Novel “Iyeem Kepsiiir” (“My Mother’s Telling”) by S. S. Maisov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 30–39. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-30-39

Введение

В современной лингвистической парадигме календарь как своего рода ориентир в жизне-организации героев художественного произведения становится объектом научных исследований в контексте актуализации временной перспективы.

Так, к проблеме календаря как жанрообразующего принципа в произведениях А. П. Чехова и Л. Н. Толстого обращается С. Ю. Николаева [2005]. По мнению автора, христианские праздники А. П. Чехов, во-первых, использует для того, чтобы обозначить хронологические рамки своего повествования и тем самым подчеркнуть значимость праздника в обыденной жизни человека, когда день или неделя ассоциируется с определенной календарной датой. Во-вторых, христианский праздник приобретает у Чехова хронотопическое значение.

Существенно иначе реализован календарный принцип у Л. Н. Толстого. Он учитывал, что существует не только гражданский, но и народный календарь, обусловленный природным и сельскохозяйственным циклом, а также христианский церковный календарь. Мнение автора статьи сводится к тому, что Толстой синтезировал все три существующие “календарные” традиции и подчинил им расположение материала в своей книге.

Э. Гроссер указывает, что календарь определяет временной ритм регулярно повторяющихся культурных явлений народа, тесная взаимосвязь которых обуславливает временную ориентацию в повседневной жизни¹.

Данная работа, посвященная временной характеристике традиционного уклада жизни якутов, является продолжением исследования автора, опубликованного ранее [Николаева, 2017]. В нем были выявлены особенности языковой репрезентации темпоральной модели, функционирующей на лексико-семантическом уровне в художественном дискурсе С. С. Маисова, автора романа «По рассказам матери» [Маисов, 2009–2012]².

Целью данной статьи является описание временной характеристики сюжетной линии романа С. С. Маисова, наделенной последовательностью дней святых в соответствии с хозяйственным годичным циклом традиционного якутского календаря.

После массовой христианизации населения Якутии в первой половине XIX в. наравне с традиционным распространяется русский православный календарь. По нему год начинался с осени. По мнению А. И. Гоголева, православные календарные даты и праздники (*тангаралар*) были хорошо вписаны в хозяйственный годичный цикл традиционного якутского календаря [2002. С. 59].

Роман С. С. Маисова отличается тем, что автор, описывая воспоминания матери, как бы сверяет ход жизни героев с ходом природного времени, которое форматировано то в датах, днях святых (*тангаралар*), то в сезонных маркерах годового цикла. Временная соотнесенность с описываемыми в нем жизненными ситуациями героев обеспечивается либо в рамках традиционного якутского календаря, либо в соответствии с христианским календарем или по линии одновременности того и другого фиксатора времяисчисления.

Следующий и другие примеры из данного романа, в которых повествование в основном привязано к базисным ориентирам якутского народного календаря, подробно описаны в вышеуказанной статье автора. Показательно, например, что обозначение определенного времени для ловли рыбы неводом зимой связано со знанием периода ледостава на озерах, который не только является природным индикатором для зимней рыбной ловли, но и означает начало зимника.

Аны күөл мууһа турбутун кэннэ <...> холкуос дьоно <...> хас да күн хоно-өрүү сытан мунха-лаабытара.

После ледостава на озере колхозники несколько дней ловили рыбу неводом.

Следующий пример отражает восприятие времени, связанного с наступлением летней половины года, через конкретную дату – Николин день, который ассоциируется в сознании каждого якута не только с первыми признаками теплых дней после долгой холодной зимы, но и с наступлением связанного с ним периода весенних и летних хозяйственных работ. Этот момент, важный временной ориентир, указан автором романа не посредством конкретной даты, а обозначен послелогом *саҕана*, как показано в следующем примере, который соотносит начало действия по времени с наступлением другого календарного события, Николина дня, дублируя, однако, это обозначение через официальный светский календарь.

Ньукуола танара саҕана сайылыкка көһүү буолла.

К Николину дню (это примерно 22 мая) отвели скот на летний выгон.

Относительное совпадение христианского и традиционного якутского календарей нашло выражение и в следующем контексте, в котором оно осмысливается как одновременность прихода определенного временного отрезка и ухудшения состояния здоровья героя.

Үһүс Охоһоһойоп танара саҕана дьыл оһуһун баһа быстан, кырдьык да, улахан тымныылар суһараабыттарын кэннэ таайым эмискэ иһинэн ыалдьан, урут да эдэрин күһүнэн эрэ тура сылдьыбыт киһи букатын буорайан суорҕаннаах-тэллэххэ лигиир сытан хаалбыта...

¹ *Großer Elke*. Zeitmanagement war gestern... URL: <http://www.zeit-gestaltung.de/elkegrosser.html/>.

² Далее иллюстративные примеры приводятся по этому изданию. Перевод с якутского языка на русский был осуществлен автором данной статьи.

К Третьему Афанасьеву, когда у быка-зимы отваливалась голова и вправду ослабли сильные холода, дядя, который и раньше, будучи молодым, с трудом передвигался, внезапно захворал животом и слег вовсе.

Подчеркнем, что хронотоп романа представлен в данной статье не по хронологии событий, разворачивающихся согласно замыслу произведения, т. е. не следуя ни его сюжетной линии, ни фабуле. Его жизненные ситуации и действия персонажей выстраиваются по природному циклу восприятия хода времени, что обуславливает относительно упорядоченный ход жизнепротекания героев.

Такая природная периодизация описываемых в произведении действий в значительной мере совпадает с последовательностью дат христианского года, которые не только структурируют модель ассоциативного восприятия времени, но и реально вписываются в жизнь героев, соблюдаются ими и служат мерилем хода событий.

Что касается якутской этно- и геокультурной специфики, то она тоже принимается нами во внимание. Ее изучением занимались исследователи календарей народов Сибири Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк и З. П. Соколова, которые выделили в ней два знаменательных периода в жизни якутов, традиционно занимавшихся скотоводством: выгон скота на весеннее и летние пастбища и возвращение скота на зимовку [Симченко и др., 1993. С. 271]. Заметим, что А. И. Гоголев, занимающийся изучением традиционного календаря якутов, также поделил якутский год, главную структурную единицу годового календаря, всего лишь на два сезона – весенне-летний и осенне-зимний.

Таким образом, якутская геокультурная периодизация года все еще напоминает традицию подсчета времени сообразно «часам» природы, характерную, как подчеркивает Роберт Левин, для непромышленных обществ, которые до сих пор сверяют время с изменениями в природе и сельскохозяйственной деятельностью [Levine, 2006. Р. 61]. Современный уклад Якутии уже нельзя относить к полностью непромышленному, но поскольку роман описывает предшествующий период якутской жизни, более традиционный, чем сейчас, указанная черта ей в значительной мере свойственна.

Заметим, вместе с тем, что и в промышленно развитых обществах часто имеет место кумуляция различных бытовых мифологем языческого прошлого, т. е. суеверий, с символами христианского настоящего. Данное явление подробно анализируется, например, в статье В. А. Степаненко [2020] на примере толкований бытовых и христианских смыслов подковы в языковом сознании и жизни современных британцев.

Соотношение дат христианского календаря в тексте романа с осенне-зимним фрагментом годового календаря

Даты христианского календаря, следуя друг за другом, способствуют формированию восприятия происходящих погодных изменений без привязки к семантической характеристике каждой из них, хотя в якутской культуре допускается толкование природных явлений в контексте обусловленности какой-нибудь отмеченной датой. Например:

Күһүн Сэмэнэп танара саҕанааҕы хаар хаһыннар түһүтэлээн, түүн лаппа хараҕарар буолбут кэмигэр, биир күн Күүстээх Мииккэ Алаас өтөбүнээҕи кыстык балаҕаныгар сиртэн кэлэн аһыы олодохторуна Кукурук тийэн кэлбит.

Осенью к Семенову дню осаждаются изморозь, ночами становится заметно темнее, и однажды, когда Микка Сильный, вернувшись в аласную зимнюю избушку только сел, чтоб поесть, появился Кукурук.

Следующий пример основан на «знаниевом» сочетании фрагментов двух календарей: лунного календаря якутов и русского православного календаря. Согласно первому календарю якуты определяли дни по изменению Луны. Таким образом *ый эргэтэ* (старолуние) приходился примерно на вторую половину месяца. Включение дня православного календаря в данный контекст является уточняющим фактором срока выпадения снега (*кыстык хаар*), который более не растает в связи с тем, что в конце сентября земля уже начинает подмерзать.

Балаҕан ыйын эргэтэ Исийээнэп танара күнүн эрэ иннинэ кыстык хаар үллэччи түстэ.
Во второй половине сентября накануне Возрождения выпал пушистый снег, который уже не растает.

Автор соотносит со временем праздника Возрождения не только происходящее изменение погоды осенне-зимнего периода, но и сезонное поведение животных:

Дьирики эргэнэ тыа мунур баһылыга эһэни кытта тэнгэ, балаҕан ыйын бүтүүтэ, Исийээнэп танара саҕана хороонугар угуя, кыстыгы киирэр.

Бурундук, как и хозяин тайги – медведь, в конце сентября ближе к Возрождению, залезает в нору на зимнюю спячку.

Покров день у якутов ассоциируется не только с календарным днем в октябре, означающим начало ледостава, но и рассматривается как предвестник настоящих холодов, после которых теплых дней уже не будет до самой весны. В тексте романа Покров день вплетен в ткань повествования:

Күһүн, Бокуруоп танара кэһнэ, кыра күөллэр, көлүөллэр мууһунан килэччи көрөн тоннулар, улахан эбэлэр ийэ уулаара ылааны күн сула-сула кыдымаҕынан кылыгыраан өссө да эрэһэ долгуннарынан эймэнэ сыттылар.

Осенью, после Покрова дня, озера и ручейки замерзли, покрывшись гладким льдом, а озера, шурша тонкими льдинками, все еще выкатывали свои волны.

Временная локализация событий романа, которые произошли в ноябре, уточняется послелогом *эргин*, который как и послелог *саҕана* выражает приблизительность временного ориентира, т. е. примерно к святому Дмитриеву дню. Второй – природный – индикатор, заметный только внимательному наблюдателю, – это уровень выпавшего снега (по щиколотку), он тоже может считаться признаком межсезонного времени.

Күһүн эстинньигэ, Миитэрэйэп танара эргин, кыстык хаар халынаан бэрбээкэйинэн кэһиллэрин саҕана, бөрөлөр элбээннэр холкуос сыгылары тарпыт сурахтара иһилиннэ.

Осенью в ноябре, где-то к Дмитриеву дню, когда снега было по щиколотку, стали поговаривать о том, что волки разорвали колхозных лошадей.

Следующие христианские календарные маркёры связаны с традиционным сезонным забоем скота; они могут быть условно соотнесены с периодом, обозначенным днями святых в ноябре, и одновременно являются значимыми сроками в традиционной хозяйственной деятельности якутов-скотоводов.

Миитэрэйэп танара саҕанааҕы күһүнгү идэһэ дьоро киэһэлэрэ үтүө да буолаллара.

Вечера после осеннего забоя скота, приблизительно к святому Дмитриеву дню, кажутся такими добрыми.

Мэхэлэйэп танара саҕана биир күн Улахан Баһылай оҕус борооскубутун өлөрдө.

Примерно к Михайлову дню Василий Большой забил нашего годовалого теленка.

День Николая Зимнего в якутской культуре отличается тем, что он является индикатором самых сильных холодов и по своей культурной смысловой нагрузке отличается от Дня Николая Вешнего, который знаменует начало лета³.

В тексте романа Никола Зимний пришелся, наоборот, на относительное потепление, что стало сюрпризом для повествователя:

Урукку дьылларга кыһынны Ньюкуолунна тымны оройо эбит буоллаҕына, быыл бу танара күнүн эргин төттөрү кэлэн сылыда.

Если раньше пик морозных дней приходился на Николу Зимнего, то ныне в это время наоборот потеплело.

Праздники (в романе Никола Зимний и Благовещение) становятся иногда временными ограничителями в повествовании о том, что случилось с одним из персонажей (Мисьяевым).

³ Текст романа показывает, что лето и весна (вероятно, под влиянием внешнего мира и контактов традиционной культуры Якутии с различными странами) упоминаются в нем как отдельные сезоны. Это значит, что культурное сознание якутов кумулирует в себе два сезонных членения годового цикла: базовое двухсезонное (весенне-летний и осенне-зимний) и внешнее, четырехсезонное.

Они охватывают промежуток времени в жизни старика от одной даты церковного календаря до другой.

Кыһа өлбүтүн нөҥүө сылыгар кыһынны Ньюкуолун саҕана Мискээйэп оҕонньор, от тийэ сылдьан эмискэ сүрэжинэн охтон баран уһуннук сытан, саас Былаҕачыанайап танара күнэ эрэ ааспытын кэннэ, быстан хаалла.

Через год после смерти дочери, накануне Николы Зимнего, когда старик Мискяев возил сено, ему вдруг стало плохо с сердцем, после чего он долго болел, и весной, сразу после Благовещения, его не стало.

Рождество как важная календарная дата находит свое выражение в романе в соотношении с поверьем якутов о выходе на поверхность из глубоких вод обитателей (духов) примерно в это же время, т. е. от Рождества до Крещения. Согласно поверьям, духи способны подсказывать будущее, поэтому в старину существовал обычай тайком подслушивать их около проруби или под окном заброшенных жилищ.

Тохсунньу ыйга, ороһооспо кэмигэр, сүллүүкүттэр тахсыбыттарын кэннэ, ардыгар Айданна бара сылдьан көрдөххө көхтөөхтөр, ордук эдэрдэр, арааһы бары дьэбэлэнэллэр.

В январе, в Рождество, после выхода шиликунов (водяных духов), бывая иногда в Айдане, замечали как весельчаки, особенно молодые, шалили (дурачились).

Кириһиэһинэ кэннэ эмиэ кыратык нуһараннаата эрэри, хаардаабата, хата били Баһылаайап танараҕа түспүт кыраһатынан (сүллүүкүттэр суолларын) сабан тибиэлэнэ сырытта.

Хотя после Крещения чуть потеплело, снег не шел, зато замело (следы шиликунов) тонким слоем снега (порошей), выпавшего на Васильев день.

Условия жизни, обусловленные сильными морозами в январе, продиктовали дифференциацию времени и действительности сообразно суеверному, мистическому представлению о том, что сначала один рог, затем второй рог быка-мороза, следом за ними его голова отваливаются, что означает постепенное ослабление сильных морозов. По данному поверью, да-та, когда отваливается первый рог, приходится на Первый Афанасьев, что передано в следующем примере:

Бастакы Охонооһойопко (тымныы оҕуһун биир муоһа тоһунна) диэн буолла да, оҕус муоһа тостубут чинчитин биллэрбэтэ.

Как принято, на Афанасьев день порассудили о том, что бык-мороз лишится одного рога, хотя бык никак это не проявлял.

Иккис Охонооһойопко оҕуспут аны иккис муоһа тоһунна да, хата, тымныыбыт син биир, халлаан өтөр сылыйах, сымных да чинчитэ биллибэт.

На Второй Афанасьев вроде отвалился второй рог, однако мороз не отступает, и даже нет намеков на скорое потепление, ослабление.

Үһүс Охонооһойоп танара саҕана дьыл оҕуһун баһа быстан, кырдьык да, улахан тымныылар суһарабыттарын кэннэ таайым эмискэ иһинэн ыалдьан, урут да эдэрин күүһүнэн эрэ тура сылдьыбыт киһи букатын буорайан суорҕаннаах-тэллэххэ лигиир сытан хаалбыта...

На Третий Афанасьев, когда бык-зима потерял свою голову, и вправду ослабли сильные холода, дядя, который и раньше, будучи молодым, с трудом передвигался, внезапно захворал животом и слег вовсе.

Если предыдущие примеры были связаны с бытовым пониманием ослабления мороза в контексте следования дней христианского календаря, то в следующем примере локализована установка на традиционную сезонную ловлю карася неводом, условно обозначаемую как допустимый промежуток времени «через несколько дней после Третьего Афанасьева дня», что определяет временной ориентир в хозяйственной деятельности героев романа.

Үһүс Охонооһойоп күнэ ааспыта аҕыйах хонтун кэннэ холкуос дьоно түмсэн, Айдантан балтараа көс кэринэ ыраах, Лүксүгүн диэн дьохуннаах эбэҕэ мунхалы бардылар.

Через несколько дней после Третьего Афанасьева колхозники выехали на неводьбу на священное озеро Люксюгун, примерно в 15 километрах от Айдана.

Соотношение дат христианского календаря с весенне-летним фрагментом природного цикла

Весенние изменения погоды особо затрагивают душевное настроение героев, что связано с ожиданием наступления теплых дней после долгой холодной зимы, и являются чувствительным природным индикатором. Следующие примеры, описывающие приближение весны, скоординированы днями святых Благовещения и Пасхи, которые вызывают у северного человека радостное ощущение изменения погоды по своим наблюдениям, например, за прилетом снегирей, образованием черных проталин под деревьями.

К примеру:

Былабачыанайап танара саџана саас илдьитэ бастакы тулуктар кэллилэр, лаппа ылаангытйан күнүс сылыяр, балаџан халџанын бүрүөһүнэ күн уотун сырлџаныттан киһи илиитин көхсүн биллэ угуттуур буолла.

Примерно к Благовещению прилетели снегири, весенние весточки, днем заметно потеплело, тыльной стороной ладони чувствуется нагрев дверной обивки юрты от ярких солнечных лучей.

Сотору Киристиэп танара күнэ буолуо – сааскы ылааны кэм саџаланар танарата.

Скоро наступит Пасха – божество теплой весны.

Киристиэп танара ааспытын кэннэ халлаан күнүс улаханлык хото ириэртэлээн, отун-маһын изччэх-тээн баран эмискэ тонордо.

После Пасхи днем резко начало таять, образовались черные проталины вокруг деревьев, но потом вдруг снова подмерзло.

В романе весенняя пора, на которую приходится Пасха, примерно первая половина апреля, связана не только с радостным состоянием от ощущения теплых дней, но и с ухудшением состояния здоровья матери.

Саас, Киристиэп танара күнүн саџана, ийэм улаханлык бэргээн наар сытар мээрик буолбута.

Весной, примерно к Пасхе, мать совсем ослабла и слегла.

День Николая Вешнего в романе представлен как временной ориентир, обуславливающий ход сезонных изменений, происходящих до и после его наступления не только в природе, но и в хозяйственной жизни:

Ньукуола буолуо икки хонук иннинэ кэбэ эттэ.

За два дня до Николы летнего закуковала кукушка.

Ньукуола танара саџана сайылыкка көһүү буолла.

К Николиным дням переехали в летники.

Ньукуола кэннэ аны үөл кус, ону даџаспытынан халын үөрдээх бараах ууһун арааһа тоџо анһан кэллэ.

После Николина дня прилетела водоплавающая дичь и заодно многочисленная стая куликов.

После Николина дня, сопровождаемого традиционными действиями в хозяйственной деятельности и наблюдаемыми изменениями в природе, наступает день святого царя Константина, который совпадает с периодом прилета долгожданной для охотников птицы – турпана.

Саар Көстөкүүн танара күнүн диэки, тылбыяр кынаттаахтан ордук хойутааччылар, үөл кустан бастыннара, хайа да сааһыт долгуйа кэтэһэр көтөрө анды кэллэ.

Ближе к дням царя Константина, как всегда, последним из всех утиных прилетел турпан, птица благородная, долгожданная для каждого охотника.

Петров день озаменован наступлением особо жарких дней, началом сенокосной страды и обильных дождей, что находит свое отражение в ряде примеров:

Сылын аайы, үгэс курдук, чопчу Бөтүрүөп танара күн холкуос отчуттара ходуһаџа киирэллэрэ.

Каждое лето, как заведено, именно в Петров день, у колхозников начинается сенокосная пора.

Биһиги да дьоммут уһаабатылар, Бөтүрүөп танара күнэ ааспытын кэннэ Улахан Баһылай кийиитэ Настаачыйалыын хотуурдарын сүгэн Күүлэлээхтэригэр охсо бардылар.

Наши долго не задержались, после Петрова дня Василий Большой со своей невесткой Настасьей отправились в свой Кюлялях косить сено.

Автор включает в контекст не только дату Петрова дня как временной детерминант событий, происходящих до или после него или в этот день, но и бытовое толкование наступления жаркого лета, следуя суеверному представлению о том, что кукование кукушки может предсказать, насколько жарким будет лето.

Быйыл кэбэ Бөтүрүөп ааһыар диэри эттэ, онон арааһа куйаас сайын сатыылыыра дуу, – Улахан Баһылай айылбатын сылыктыыр.

Нынче кукушка куковала вплоть до завершения Петрова дня, значит, наступает жаркое лето, – предсказал Василий Большой.

В романе данная дата запоминаема и в связи с печальным днем ухода из жизни матери. В примере даже указано точное количество дней до наступления Петрова дня, что тоже подтверждает значимость данной календарной вехи в жизни героев.

Таайым Бүөтүр: Ийэн Бөтүрүөп танара күнэ үүнүө сэттэ хонук иннинэ бараахтаабыта... – диэбитин өйбөр чинник хатаан кэбиспиппин.

Я навсегда запомнил слова дяди Петра: «Мама твоя ушла из жизни за семь дней до наступления Петрова дня».

Информативными для продолжения повествования являются день святого Прокопия жатвенника, потому что он совпадает с появлением на водоемах большого количества утят, и Ильин день. Эта дата ознаменована также погодными изменениями, означающими убывание теплых дней, пасмурными днями, прохладными дождями и ночами. Например:

Борокуоппайап танара күнэ ааһан, кус оҕото күөлгэ биир кэм хара тордох курдук устар. Закончился день Прокопия жатвенника, и на озере плотными стайками поплыли утята.

Ылдьыын танараттан саҕалаан күөлбүт иһэ кус оҕотунан туолан барара. Начиная с Ильина дня озеро наполняется утятами.

Ылдьыын танара күнэ ааспытын кэннэ элэтэ биир күн кыратык сирин сиигирдэн эрэ самыырдаан саккырытан баран астыбыта, ол кэннэ таммах да түһэ илик.

После Ильина дня только в один день прошел кратковременный дождь, слегка намочив землю, после него ни капли не было.

Августовские дни сочетаются в жизненном календаре героев с наступлением друг за другом дней Первого, Второго и Третьего Спаса, которые означают скорое завершение летнего сезона, потому что птицам наступает время отправляться в теплые края, а плановая заготовка сена заканчивается обычно до наступления Третьего Спаса.

Сайынны сайаҕас күннэр, элэс гынан элэгэлдьиэн, бииртэн-биир ааһан иһэллэр. Сарсын Бастакы Ыспааһап.

Один за другим пролетают теплые летние дни. Завтра Первый Спас.

Эбэм: Тыыраахылар Иккис Ыспааһаптан сыыйа-баайа собуруу айаннаабытынан бараллар... – диир. Бабушка говорит, что чайки после Второго Спаса постепенно отправляются на юг.

Үһүс Ыспааһап иннинэ бугулламмыт оппут хомуллан, кэбиһиллэн бүттэ. Перед Третьим Спасом закончили стогование сена.

Заключение

Таким образом, календарь православных праздников на протяжении всего повествования последовательно соотнесен автором с природным ходом сезонов, являясь ключевым элементом обозначения восприятия и чувства времени у автора романа, старавшегося отразить языковое сознание своих героев. Категоризация времени художественной действительности соотносится у автора с традиционным укладом жизни, связанным, в свою очередь, с климатическими условиями проживания, мировоззрением персонажей, порожденным восприятием изменений в природе и т. д.

Бытовые представления героев романа о времени базируются на понимании как традиционного народного календаря, так и христианского календаря, которые гармонично соотносятся друг с другом в их сознании. На когнитивном уровне они упорядочивают естественный ход природных изменений и жизненных событий людей.

События в романе проецируются в сознании героев сообразно христианскому календарю во временном обозначении до наступления или после наступления дней святых, которые структурируют русский православный календарь. В романе указаны почти все дни святых, поэтому можно сказать, что авторский хронотоп романа совпадает с православным календарем.

Временные измерения, наделенные значениями обоих календарей, находят свое реальное воплощение в данном произведении, гармонизируя с мироощущением каждого героя, упорядочивая последовательность происходящих событий и действий, координируя соотношенность прошлого, настоящего и будущего бытия персонажей. Благодаря этому восприятие времени читателем всецело складывается из дополняющих друг друга компонентов временного ряда, который понятен и человеку современности.

Эти наблюдения можно было бы завершить словами М. Б. Вуканович, Л. Г. Грмуша о том, что художественное время формулируется через нарративный модус, в то время как повествование приобретает свое полное значение, будучи встроенным во временное существование [Vukanović, Grmuša, 2009. P. 9]. Однако наше внимание сосредоточено на этнокультурном, а не литературном аспекте; художественное произведение С. С. Маисова – это лишь один из примеров того, как сформировались современные представления якутов о годовом календаре и каково их отражение в языковом сознании народа. С учетом этого момента мы считаем, что любое реалистичное художественное произведение (каковым является и роман Маисова) не создает, а отражает уже существующие геокультурные характеристики и временные параметры описываемой в нем современной якутской культурной среды. Мы находим в нем содержание якутской культурно-понятийной топологии, описание якутского временного цикла и раскрываем его кумулятивный, синтетический характер, ставший результатом «культурального перевода» [Фефелов, 2015] – взаимодействия традиционной северной культуры, православного календаря, пришедшего из России, и большого внешнего мира, ставшего теперь более доступным.

Список литературы

- Гоголев А. И.** Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2002. 104 с.
- Маисов С. С.** Ийэм кэпсиир...: Роман. Дьокуускай: Бичик, 2009. Ч. 1. 192 с.; 2010. Ч. 2. 432 с.; 2012. Ч. 3. 384 с. (Билинни кэм прозата)
- Николаева С. Ю.** Календарь как жанрообразующий принцип в произведениях А. П. Чехова и Л. Н. Толстого // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2005. Т. 2, № 3. С. 13–19.
- Николаева Т. Н.** Модель времени в языковой картине якутов (на примере романа С. С. Маисова «По рассказам матери») // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. 2017. № 5 (61). С. 108–116.
- Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П.** Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира: Сб. ст. М.: Наука, 1993. 271 с.
- Степаненко В. А.** Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 55–78.
- Levine, R.** A Geography of Time. Oxford, Oneworld, 2006. 247 p.
- Vukanović, M. B., Grmuša, L. G.** Space and time in literature / Space and Time in Language and Literature. Cambridge Scholars Publ., 2009, 157 p.

References

- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)
- Gogolev, A. I.** The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts. Yakutsk, Yakutsk State Uni. Press, 2002, 104 p. (in Russ.)
- Levine, R.** A Geography of Time. Oxford, Oneworld, 2006. 247 p.
- Maisov, S. S.** “Iyeem kepsiir” (“My mother’s telling”). Yakutsk, Bichik, 2009, pt. 1, 192 p., 2010, pt. 2, 432 p., 2012, pt. 3, 384 p. (in Russ.)
- Nikolaeva, T. N.** The model of time in the language picture of the Yakuts (on the example of the novel by S. S. Maisov “My mother’s telling”). *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 2017, no. 5 (61), p. 108–116. (in Russ.)
- Nikolaeva, S. Yu.** Calendar as a genre-forming principle in the works of A. P. Chekhov and L. N. Tolstoy. *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*, 2005, vol. 2, no. 3, p. 13–19. (in Russ.)
- Simchenko, Yu. B., Smolyak, A. V., Sokolova, Z. P.** Calendars of the peoples of Siberia. In: Calendar in the culture of the peoples of the world. Coll. of articles. Moscow, Nauka, 1993, 271 p. (in Russ.)
- Stepanenko, V. A.** Cumulation and Ambivalence in Mythologems (Based on the Example of the Representative *Horseshoe* of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98
- Vukanović, M. B., Grmuša, L. G.** Space and time in literature / Space and Time in Language and Literature. Cambridge Scholars Publ., 2009, 157 p.

Материал поступил в редакцию
Date of submission
05.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Николаева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Tatiana N. Nikolaeva, PhD in Philology North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation)

tnikolaeva184@mail.ru

ORCID 0000-0002-7346-9737